

однако с политической точки зрения он всегда охотно принимался населением и в этом смысле еще не изжил себя.

Какой бы проект ни был выбран нынешними властями, от них потребуются быть гораздо более осторожными, чем раньше, при перераспределении благ, прав и обязанностей среди граждан. Ведь **бессмысленно требовать преданности от населения, большая часть которого не извлекает совершенно никаких выгод от существующей политики распределения общественных благ**, особенно когда такой подход практикуется десятилетиями. Власти должны ясно отдавать себе отчет в том, что в такой политике распределения явно надо что-то менять.

Тем не менее традиционные принципы воспитания в гражданах лояльности к государству не претерпевали изменений уже многие десятилетия. Они основаны на взаимных интересах, на привычках, на вере в государственность, которая прививается гражданам с разной степенью успеха в семье, в школах, в армии. Все это — составляющие одного целого, но они не образуют крепкую и стабильную структуру, которая способна навсегда обеспечить преданность граждан существующему режиму. Сегодня многие вопросы сосредоточены в образовательном секторе. Государство должно каким-то образом осуществлять контроль над тем, что подрастающее поколение изучает в системе среднего и высшего образования. Важно и то, каковы перспективы выпускников. Кажется, что в большинстве стран престижная работа достается только выпускникам университетов, а в университеты попадают только родившиеся в очень обеспеченных семьях. Если это действительно так, то это означает, что властям вряд ли приходится надеяться на поддержку населения в сохранении системы, основанной на несправедливом распределении благ.

Также опасно, если элита общества отделяется от основной массы граждан. Важным является не то, что те или иные граждане получают престижную работу, обучаются в известных университетах, лечатся в уважаемых больницах, а то, что элита, которая может пользоваться этими благами, признается как часть общества, обладающая очень важными для этого общества навыками, которые чрезвычайно повышают как экономический, так и социальный престиж ее представителей. В западном обществе ценятся доктора, а политики, наоборот, практически лишены гражданского одобрения. Кроме того, престижем пользуются ученые, юристы, судьи высших инстанций. Таки престижных групп достаточно много. Однако двадцать лет назад люди гораздо больше верили в то, что совместные усилия престижных и непрестижных социальных групп способны изменить к лучшему жизнь всего общества. Сегодня степень этой веры намного ниже. Но именно сегодня современное общество сталкивается с новыми угрозами, которые может решить именно единое, а не расколотое общество. ■

Специально для Ярославского Форума

СГОВОР КОММУНИСТОВ С КОРРУПЦИОНЕРАМИ

ГОРДОН ЧАН — член попечительского совета Корнельского университета, автор книги «Грядущий коллапс Китая» (2001)

Специально для Ярославского Форума

Сплоченность китайского общества подерживается за счет принуждения. Коммунистическая партия успешно выполнила план по обеспечению быстрого роста, но резкое увеличение числа общественных протестов — около 230 тысяч в 2009 году — свидетельствует о том, что общество в основе своей нестабильно. Аналитики утверждают, что китайцы боятся хаоса и благодаря этому страху компартия останется у власти. Однако если это действительно так, то почему тогда в Китае сегодня так много волнений? Чрезмерная реакция Пекина на призывы к «жасминовой революции» показывает, что верховодящие лица чувствуют неустойчивость своего режима. Уверенные в себе лидеры не стали бы спускать собак, избивать репортеров или блокировать Интернет.

Для Пекина урок ближневосточных революций очевиден. **Партия не может и далее относиться к народу как к детям, которые не способны собой управлять.**

Компартия уже почти исчерпала резерв потенциальных партнеров в обществе. Она сейчас опирается на коалицию коррумпированных кадров и сверхбогатых людей. Из этого партнерства исключены другие элементы общества, в особенности крестьяне, рабочие и большая часть среднего класса.

Как и в любом другом современном обществе,

китайский средний класс становится все более осознанным в политическом смысле. Компартия постоянно всячески вторгается в процесс становления среднего класса. На примере Южной Кореи (1980-е годы) и Тайваня (1990-е) мы видим, что случается, когда средний класс становится политически активен. А что это означает? Правительствам приходится меняться, чтобы соответствовать их требованиям осмысленного политического участия. Едва ли компартия на этой пойдет.

У компартии осталась только одна запасная позиция — национализм. Это таит особую опасность для соседей Китая, так как у Пекина имеются территориальные претензии к другим странам, а также виды на международные воды. Национализм — единственный способ заручиться поддержкой протестных элементов общества.

Своим сговором с коррупционерами и богачами компартия лишила себя базы поддержки в обществе. Главным лицам в Пекине не представляется возможным утвердить новый консенсус в обществе кроме как через обращение к демону национализма.

Компартии необходимо поскорее создать для себя базу поддержки, но помимо пустой риторики и незначительных жестов она пока ничего в этом направлении не сделала. ■